

А. ЯЩЕНКО.

РУССКІЕ ИНТЕРЕСЫ въ МАЛОЙ АЗІИ.

Издание второе (с изменениями) М. А. Я. 4 и 5. Издательство
Восточной России в 1916 г.

МОСКВА

А. ЯЩЕНКО.

РУССКІЕ ИНТЕРЕСЫ
ВЪ
МАЛОЙ АЗІИ.

*Отдельными выписками изъ №№ 3, 4 и 5 „Извѣстій
Великой Россіи“ за 1916 годъ.*

Русские интересы въ Малой Азіи.

I.

ИСТИННЫЯ ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ.*)

Какой бы оборотъ ни приняли событія на театръ войны, какія неожиданныя перипетіи ни пережила бы мы въ дальѣйшемъ, каковъ бы ни былъ окончательный результатъ великой европейской войны, ясно, что восточный вопросъ, вставшій предъ европейскими державами еще съ 1699 г. (т.-е. съ Карловицкаго договора, положившаго начало упадку Турціи) вступилъ въ послѣдній фазисъ своего развитія. Часъ кончины «большаго человѣка» приближается, и когда исчезнетъ съ лица земли этотъ полу-сгнившій трупъ среди живыхъ народовъ, человѣчество вздохнетъ, наконецъ, съ облегченіемъ.

*) Отъ Редаціи.

Помѣщая настоящую статью, Редація считаетъ необходимымъ отмѣтить свое несогласіе съ нѣкоторыми положеніями ея автора. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности проблемы русскихъ интересовъ въ Малой Азіи, страницы журнала будутъ открыты для свободнаго обмена взглядовъ по этому вопросу.

Съ высшей идейной точки зрѣнія нѣтъ ни одной войны, есть борьба противъ стремленія Германіи къ всемірной гегемоніи, война за свободу и права народовъ. Съ нашей русской точки зрѣнія ее, пожалуй, справедливо называютъ второй отечественной войной, такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о самихъ судьбахъ нашего отечества. Но общеполитическая исторія назоветъ ее, вѣроятно, войной за турецкое наслѣдство. Этотъ смыслъ войны обнаружится въ томъ, что ее вѣроятнымъ результатомъ будетъ обопчательный раздѣлъ турецкихъ владѣній и исчезновеніе Турціи, какъ особаго государства, и онъ сказался уже въ тѣхъ дѣйствительныхъ причинахъ, которыми вызвали эту войну.

Говоря о причинахъ нѣтъ лишей войны, часто не достаточно уясняютъ себѣ ея дѣйствительный смыслъ. Не въ томъ причина войны, что Россія поддерживала Сербію въ ея конфликтѣ съ Австріей,—это былъ только поводъ,—и не въ томъ, что Англія желала нанести ущербъ торговлѣ Германіи, какъ это удорно утверждаютъ иѣмцы. Настоящая причина міровой войны лежитъ въ непримиримости германской политики въ восточномъ вопросѣ съ жизненными интересами Россіи и Англіи.

Конфликтъ былъ давно неизбеженъ, и только слѣпые могли не замѣтить надвигающуюся близость міровой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, каково взаимное положеніе главныхъ воюющихъ странъ на аренѣ международной политики? Жизненные задачи Россіи—на Близкомъ Востокѣ. Съ того момента, какъ Россія обезпечила свое національное суще-

ствованіе и утвердилась, какъ независимая держава, она начала стремиться къ югу, съ цѣлью достигнуть до свободныхъ открытыхъ морей. Мало-по-малу, она утвердилась на берегахъ Чернаго моря; такъ какъ Черное море закрыто проливами, находящимися во власти Турціи, то началась долгая, сложная и упорная борьба Россіи изъ-за проливовъ. Въ этой борьбѣ Россія постепенно разрушала турецкую державу и освободила изъ-подъ турецкаго ига различныя угнетенныя народности,—Грецію, Румынію, Сербію, Болгарію.

Въ своемъ стремленіи къ обладанію Константинополемъ, Россія натолкнулась, однако, на сопротивленіе другихъ державъ. Одно время ей сильно противодействовала Англія. Интересы Англіи въ ея восточной политикѣ тѣсно связаны съ обладаніемъ Индіей. Индія, какъ колониальное владѣніе,—источникъ чрезвычайныхъ богатствъ, и потому Англія ревниво охраняетъ всѣ пути, по которымъ какая-нибудь держава могла бы приблизиться къ Индіи. Въ теченіе XIX вѣка Англія опасалась Россіи. Она боялась расширенія ея владѣній въ Азіи и ея приближенія къ Индіи; она была противъ и утвержденія Россіи на Босфорѣ, откуда Россія могла бы угрожать Египту и Суецкому каналу. Однако, къ концу XIX столѣтія страхи эти начали разсѣиваться. Въ центральной Азіи Россія не обнаруживала особенной активности и меньше всего думала о томъ, чтобы приблизиться къ Индіи. Что касается Средиземнаго моря, то здѣсь Англія утвердила свое господство надъ всеми путями въ Индію;

завладела Кипромъ, Суецкимъ каналомъ, Египтомъ и выходомъ изъ Краснаго моря.

Прежнее противоѣдствіе стремленію Россіи къ Константинополю потеряло для Англіи свой смыслъ. Опасно было бы для нея, — если вообще говорить объ опасности, — движеніе Россіи съ сѣвера на югъ, а не съ востока на западъ. Это послѣднее направленіе русскаго расширенія было, наоборотъ, выгодно для Англіи, такъ какъ при этомъ устремленіи Россія рѣшительно поворачивалась къ Индіи сѣвнѣе. Началось естественное примиреніе и сближеніе Англіи съ Россіей. Тѣмъ болѣе, что и для Англіи, и для Россіи возникъ на востокъ новый врагъ, нисколько не скрывавшій своихъ враждебныхъ намѣреній. Это была Германія.

Разгромивши въ 1870 году, при непустительствѣ Россіи и Англіи, Францію и объединившись въ сильную военную державу, Германія занялась міровой политикой, и здѣсь ея лозунгомъ сдѣлалось движеніе на Востокъ и прежде всего на Турецкую имперію. Въ своемъ «напорѣ на Востокъ» Германія избрала два пути: Турцію и Австрію.

Очень искусными интригами Германія добилась полного господства въ Турціи, и эта послѣдняя оказалась въ своего рода вассальныхъ отношеніяхъ къ Германской имперіи. Торжествомъ германской политики въ Турціи была концессія на постройку Багдадской желѣзной дороги. Германія простерла свою руку надъ Малой Азіей и Месопотаміей, уже видя въ нихъ обширное поле для

нѣмецкой колонизаціи. Отсюда Германія однаково угрожала Египту, Персіи, Индіи, Кавказу. Путь Россіи къ Средиземному морю какъ черезъ Константинополь, такъ черезъ Арменію и заливъ Александретты окончательно отрывался. Насколько велико было миролюбіе и Россіи и Англіи, насколько они не хотѣли вызывать мірового пожара видно изъ того, что они допустили Германію утвердиться въ Турціи, какъ въ завоеванной области. Но общая опасность сблизила ихъ и сдѣлала друзьями.

Другимъ путемъ германскаго «напора на Востокъ» служила Австро-Венгрія. Утвердивши свою гегемонію надъ Двудеиной монархіей и пользуясь ею, какъ послушнымъ орудіемъ, Германія двигалась къ Солуни и Эгейскому морю. Это искусство было подготовлено еще Бисмаркомъ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., когда Австро-Венгрии даны были для управленія Боснія и Герцеговина, а въ Ново-Базарскомъ санджакѣ, откуда идетъ прямой путь къ Солуни, дозволено было держать войска. Въ подходящій моментъ Боснія и Герцеговина были, безъ всякаго повода и согласія другихъ контрагентовъ берлинскаго трактата, присоединены Австро-Венгріей. Изъ Ново-Базарскаго санджака временно были выведены войска, съ намѣреніемъ рано или поздно вернуться туда, при удобномъ случаѣ. Дѣло Германіи испортили балканскій союзъ и война его съ Турціей въ 1912 г. Въ результатъ въ Ново-Базарскомъ санджакѣ и по долинѣ рѣки Вардара утвердилась Сербія. Этимъ отрывался нѣмецкій путь къ Эгейскому морю. Какъ разоблачилъ въ свое время Джюльетти въ итальян-

скомъ парламенте, еще въ 1912 году Австро-Венгрия намѣревалась объявить войну Сербіи.

Историческое значение вышедшей войны и заключается въ томъ, что Германія со сподручной ей Австріей стремилась разрѣшить восточный вопросъ въ свою пользу, утвердить свой протекторатъ надъ-Ближними Востокомъ, окончательно отрѣзать Россію отъ путей въ Средиземному морю и угрожать англійскому могуществу въ Индіи.

II.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПРОЛИВЫ И МАЛАЯ АЗІЯ.

Въ связи съ указаннымъ смысломъ вышедшей войны важно выдѣлать себѣ, какія цѣли можетъ и должна ставить себѣ русская политика въ Турціи. Мы намѣрены обсудить, исходя изъ основъ реальной политики, русскіе интересы, связанныя съ Малой Азіей. Цѣли нашей политики и наши интересы на Востокъ не выходятъ, конечно, въ завѣсности отъ исхода войны. Фактически возможное часто не совпадаетъ съ нужнымъ и желательнымъ, иногда будучи шире этого послѣдняго, иногда уже. Важно установить общія теоретическія вѣхи нашей вышедшей политики, а практически сама жизнь покажетъ, что можно изъ теоретически желательнаго осуществить. Мы намѣрены ограничиться разсмотрѣніемъ одной Малой Азіи, оставивши въ сторонѣ, какъ Персію, такъ и другія части Азіатской Турціи, т.-е. Месопотамію, Сирію и Аравію.

Основной и самый существенный нашъ интересъ въ

Малой Азіи тѣсно связанъ съ центральнымъ вопросомъ нашей политики въ Турціи (а пожалуй, и всей нашей вышедшей политики),—съ вопросомъ овладѣнія нами черноморскими проливами и Константинополемъ.

Главное содержаніе восточнаго вопроса до сихъ поръ заключалось именно въ борьбѣ Европы противъ стремленія Россіи утвердиться на берегахъ Босфора и Дарданеллъ. Съ того момента, какъ турки обосновались на развалинахъ прежней византійской имперіи и заняли берега Чернаго моря и проливы, соединяющіе его съ Средиземнымъ моремъ, открылся восточный вопросъ.

Уже на зарѣ своей исторіи русскіе вели дѣятельными торговыми сношеніями съ Царьградомъ по «великому пути изъ варягъ въ греки». Естественное направленіе экономической жизни Россіи было постоянно обращено къ югу, куда ведутъ главные вѣтви артерій русской равнины, гдѣ находятся незамерзающіе круглый годъ морты, откуда прямой путь въ восточныя и южныя страны. Появленіе татарскихъ ордъ въ южныхъ степяхъ и утвержденіе турокъ на берегахъ Чернаго моря отрѣзали Россію отъ главнаго выхода. Велѣдствіе этого началась упорная борьба Россіи сначала съ татарскими ханствами, а потомъ и съ Турціей.

Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ Россія стремится, выйдя за вѣсть Великаго Петра, къ Босфору и Дарданелламъ. Много было колебаній и ошибокъ въ этомъ стремленіи, но главные линіи русской политики въ этомъ вопросѣ остались неизмѣнными: мы должны быть господами

на Черномъ морѣ, а для этого мы должны стать твердою ногою у входа въ него. Было время, когда турки, утвердившись въ Константинополѣ, превратили Черное море въ свое внутреннее озеро и ревниво берегли его отъ доступа въ него какихъ бы то ни было иностранныхъ судовъ. Для нихъ Черное море было «непорочной, девинной дѣвой». Тщето генуэзцы, венеціанцы и французы хотѣли соблазнить эту дѣву. Усилія ихъ были напрасны. Султаны, какъ евнухи, строго охраняли воды Чернаго моря отъ появленія иностранныхъ кораблей.

Однако, опасность пришла съ другой стороны, съ сѣвера. 18-го іюля 1696 г. Петръ Великій взялъ турецкую крѣпость Азовъ и тѣмъ прорубилъ Россіи первое окно въ Европу. Въ умѣ Петра родился обширный планъ;—поворить Азовъ, укрѣпиться на берегахъ Чернаго моря, завести тамъ сильный флотъ, сломить могущество турокъ и открыть Босфоръ и Дарданеллы, необходимые Россіи для свободы ея торговыхъ сношеній. Въ этомъ и заключалось знаменитое завѣщаніе Петра Великаго, апокрифическое, какъ историческій фактъ, но вполне вѣрное, какъ историческая идея.

Петру, слишкомъ занятому на сѣверѣ, не удалось осуществить своей черноморской мечты. Но русской политикѣ былъ данъ первый толчокъ и съ тѣхъ поръ медленно, но вѣрно, мы приближаемся къ намѣченной цѣли. Въ царствованіи Анны и Елизаветы мы терпимъ неудачи въ нашей восточной политикѣ, но при Екатеринѣ II мы завоевываемъ Крымъ и прочно утверждаемся на Черномъ

морѣ. Нашъ флотъ впервые появляется у черноморскихъ проливовъ, придя къ нимъ съ сѣвера изъ Балтійскаго моря. По проекту графа Орлова была снаряжена морская экспедиція въ Архипелагъ. Въ іюлѣ 1769 г. изъ Кронштадта отплыла лодъ командою адмирала Спиридова русская эскадра, «чтобъ учинить туркамъ диверсію въ чувствительномъ мѣстѣ». Въ іюнѣ 1770 года Сѣридовъ, соединившись съ англійской эскадрою, загналъ турецкій флотъ въ Чесменскую гавань и истребилъ тамъ почти все турецкія суда. Англійскій адмиралъ Эльфинстонъ совѣтовалъ тогда верховному начальнику всего соединеннаго флота гр. Орлова ворваться въ Дарданеллы и захватить незащищенный Константинополь врасплохъ. Но графъ Орловъ почему-то не рѣшился на этотъ шагъ.

По Кучукъ-Кайнарджійскому договору 1774 года за Россіей было признано право свободнаго мореплаванія по Черному морю. Однако, въ силу своеобразныхъ географическихъ условій, благодаря необычайной узости черноморскихъ проливовъ, свобода мореплаванія изъ Чернаго моря въ Средиземное не можетъ быть обезпеченою безъ господства надъ берегами Босфора и Дарданеллъ. Завоевавши берега Азовскаго и Чернаго морей и присоединивши Крымъ, русское правительство не скрыло, что оно смотритъ на это лишь, какъ на этапъ по пути къ утверженію въ Константинополѣ. Княземъ Потемкинскимъ былъ разработанъ такъ называемый «греческій проектъ», по которому предполагалось создать греческое государство, заключающее, между прочимъ, въ своихъ предѣлахъ бе-

рега Босфора и Дарданеллы и управляемое князем из русского императорского дома. В Крыму была создана грозная крепость Севастополь с многозначительной надписью на воротах: «Дорога въ Константинополь».

Впервые русский флот появился в Босфоръ предъ Константинополемъ въ царствование Павла, въ 1798 году, во время войны Россіи съ Франціей, по специальному приглашенію султана Селима III. По договору 23-го декабря 1798 г. Турція обязалась открыть русскому флоту свободное плаваніе по проливамъ, чтобы дѣйствовать сообща противъ французовъ. Въ 1800 г. русская эскадра около мѣсяца стояла у стѣнъ Серали, пока заключался между Портой и Россіей фантастическій договоръ о созданіи подъ общимъ русско-турецкимъ протекторатомъ Ионической республики.

Никакихъ реальныхъ послѣдствій эти выступленія Павла I, какъ и большинство его дѣйствій, не имѣли. Ребромъ поставленъ былъ вопросъ о Константинополѣ въ царствование Александра I. Въ 1806 г. Россія потребовала отъ Турціи признанія въ договорѣ права свободного прохода для русскихъ судовъ, военныхъ и купеческихъ, черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Несогласіе Порты на русскія требованія вызвало войну 1806—1812 гг. Во время этой войны былъ короткій промежутокъ, когда между Александромъ I и Наполеономъ шли переговоры о раздѣлѣ Турціи. Во время тильзитскаго свиданія Наполеонъ, между прочимъ, сказалъ Александру по поводу Турціи: «Надо покончить съ государствомъ, которое

не можетъ болѣе существовать, и принять мѣры, чтобы Англія не воспользовалась этою добычей для усиленія своего могущества». Однако, при этомъ предполагаемомъ раздѣлѣ Турціи, Наполеонъ не согласился на включеніе въ русскую долю Константинополя, считая, что владѣніе имъ дало бы Россіи господство надъ всѣмъ міромъ.

Впрочемъ, повидимому, при Александрѣ I русское правительство и не стремилось къ обладанію Константинополемъ и въ данномъ случаѣ уклонилось отъ общей линіи русской политики въ восточномъ вопросѣ. Еще менѣе національной была наша политика при Николаѣ I съ 1825 по 1855 г. Вообще въ этотъ періодъ реакціонная, какъ внутри, такъ и во внѣ, политика, руководимая нѣмцами и чуждая истинно народнаго и патриотическаго духа, не только не подвинула Россіи къ разрѣшенію ея историческихъ задачъ, а, наоборотъ, нанесла ей тяжелый ущербъ и вредъ. Основная идея этой политики была выражена нѣмцемъ Нессельроде, руководившимъ при Николаѣ I нашей внѣшней политикой: Россіи полезно существованіе слабой Турецкой имперіи; поэтому, не посягая на цѣлость Турціи, слѣдуетъ вслѣдски поддерживать ея неприкосновенность, стараясь въ то же время подчинить ее своему вліянію. Такая антинаціональная политика дружбы съ Турціей и гальванизации этого политическаго труна принесла Россіи неисчислимый вредъ. Русскіе дважды при Николаѣ I появлялись близъ Константинополя. Одинъ разъ, во время русско-турецкой войны 1828 года, когда русскія войска овладѣли Адрианополемъ, другой

разъ въ 1833 г., когда русскій флотъ вошелъ въ Босфоръ, чтобы помочь турецкому султану противъ возставшаго египетскаго пашы Ибрагима. Но пользы отъ этого для Россіи не было никакой.

Непониманіе истинныхъ русскихъ интересовъ привело къ заключенію лондонской конвенціи 1841 г., по которой Россія торжественно согласилась на закрытіе Черноморскихъ проливовъ для военныхъ судовъ, чѣмъ и поставила себя въ чрезвычайно невыгодное положеніе. Это, однако, не вызвало со стороны европейскихъ державъ довѣрія къ Россіи, и царствованіе кончилось севастопольскою катастрофою.

При Александрѣ II русская политика въ вопросѣ о Константинополѣ снова стала на національную почву, но Александру II досталось тяжелое наследіе: ссора съ Англіей и либеральными государствами Европы, боявшимися и подозрительно относившимися къ Россіи, и дружба съ Германіей, этимъ злымъ гениемъ Россіи. При Александрѣ II русская политика, слѣдуя завѣту Петра Великаго, продолжала разрушеніе турецкой державы, освобождая родственные намъ христіанскіе народы, и стремилась лично для себя лишь къ обладанію проливами. Истинныя народныя задачи Россіи на Востока въ эту эпоху были вполне уже осознаны русской мыслью; какъ ясно это можно видѣть изъ сочиненій нашихъ славянофиловъ, Данилевскаго, Леонтьева, Достоевскаго и т. н., появившихъ все значеніе Царьграда для русской исторіи. Однако, когда русскія войска въ 1878 г. приблизились

къ Константинополю, опасенія Англіи, съ одной стороны, и скрытая ненависть и предательство Германіи и Австріи, съ другой, помѣшала намъ осуществить нашу историческую задачу.

При Александрѣ III наша восточная политика подвинулась впередъ въ томъ смыслѣ, что мы поняли, что истинный нашъ врагъ Германія, и успѣли завязать тѣсный союзъ съ Франціей. Наконецъ, въ настоящее время въ союзѣ съ Англіей и Франціей, появившимися намъ и сочувствующими нашимъ цѣлямъ, мы боремся съ дѣйствительнымъ нашимъ врагомъ, интересы котораго непримиримы съ нашими, съ Германіей и Австріей. Для насъ это есть борьба за обладаніе Царьградомъ и за осуществленіе завѣта, указанного намъ еще Петромъ Великимъ.

Въ русскомъ общественномъ мнѣніи по этому вопросу лѣтъ разногласій: Царьградъ и проливы должны принадлежать намъ. Владѣніе Россіи проливами есть единственно справедливая и цѣлесообразная форма рѣшенія восточной проблемы. Юридическое и политическое положеніе черноморскихъ проливовъ можетъ опредѣляться однимъ изъ трехъ возможныхъ способовъ: нейтрализацией проливовъ, интернационализацией ихъ и обладаніемъ ими какою-либо державой. Высѣшнее юридическое положеніе Босфора и Дарданеллъ есть лишь уродливая форма нейтрализаціи проливовъ, т.-е. ихъ закрытія для военныхъ судовъ. Уродлива эта форма потому, что нейтрализованы проливы не для всѣхъ судовъ: они открыты: 1) для турецкихъ военныхъ судовъ 2) для тѣхъ судовъ,

которыя (согласно статьѣ 2-й лондонской конвенціи 1871 года) даже въ мирное время «Блистательная Порта сочтетъ необходимымъ (!) пропустить для обезпеченія поставленій парижскаго трактата»; 3) для всѣхъ военныхъ судовъ, направляющихся противъ той державы, съ которой будетъ находиться въ войнѣ Турція. Чтобы добиться такой уродливой формы нейтрализаціи проливовъ, направленной односторонне противъ Россіи, нужно было цѣлое пораженіе Россіи въ Крымскую кампанію.

Но даже и чистая форма нейтрализаціи черноморскихъ проливовъ будетъ направлена противъ Россіи. Если даже проливы будутъ абсолютно закрыты, въ силу международнаго соглашенія, для всѣхъ военныхъ судовъ и если укрѣпленія на европейскомъ и азиатскомъ берегу будутъ скрыты, то въ случаѣ войны Россіи съ державой, обладающей болѣе сильнымъ флотомъ, проливы эти будутъ легко форсированы, и наше черноморское побережье подвергнется нападенію. На этотъ случай Россія должна будетъ содержать могущественный флотъ на Черномъ морѣ, гдѣ онъ (въ мирное, по крайней мѣрѣ, время) будетъ запертъ, какъ въ закупоренной бутылкѣ. Нейтрализація проливовъ, въ смыслѣ ихъ закрытія для военныхъ судовъ, совершенно противорѣчитъ современному международному праву, знающему одну общую норму: проливъ, соединяющій свободныя (не территориальныя) моря, открытъ для плаванія всѣхъ судовъ. Таково положеніе Зунда и Бельта, Па-де-Кале, Гибралтарскаго пролива, Суецкаго канала, Бабъ-эль-Мандебскаго, Ормусскаго, Ла-

перузова и т. п. проливы. Это общее правило должно, разумѣется, быть распространено и на Босфоръ и Дарданеллы.

Для гарантированія свободнаго плаванія всѣхъ судовъ черезъ проливы возможна ихъ интернационализація, какъ сдѣлано это по международному договору 1888 г. для Суецкаго канала, открытаго какъ въ мирное, такъ и въ военное время для всѣхъ судовъ, торговыхъ и военныхъ, безъ различія флага; при чемъ никакія военныя дѣйствія не могутъ совершаться въ каналѣ, за исключеніемъ, разумѣется, того случая, когда держава (нынѣ Англія), черезъ владѣнія которой онъ проходитъ, находится въ войнѣ. Противится такому юридическому положенію Босфора и Дарданеллъ, вполнѣ отвѣчающему интересамъ всѣхъ державъ и международному праву, для Россіи въ сущности нѣтъ никакихъ основаній, при томъ непремѣнномъ предварительномъ условіи, что проливы будутъ проходить черезъ владѣнія Россіи.

Владѣніе Россіи берегами Босфора и Дарданеллъ необходимо въ качествѣ единственной дѣйствительной гарантіи того, что въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо державой, обладающей сильнымъ флотомъ, на наши южные берега не будетъ сдѣлано нападенія. Наше стратегическое положеніе и вся наша экономическая жизнь, базирующаяся на экспортѣ черезъ черноморскіе порты, препятствуютъ утвержденію какой-либо другой державы на проливахъ, соединяющихъ Черное и Средиземное моря. Тѣмъ болѣе, что въ рукахъ всякаго другого государства,

кроме России, проливы эти будут скорее элементом слабости, чем силы. Значение их будет заключаться не столько в том, что владеющее ими государство сможет извлечь из них какую-либо особенную пользу, сколько в том, что оно сможет вредить России.

Константинополь может и должен принадлежать только нам. В руках другой державы он будет иметь только отрицательную ценность: это был бы, по словам Дашлевского, поск, направленный в бок России. Для нас же это — простор морей, свободное сообщение со всем миром, безграничное экономическое развитие, величайшее торжество православия. Наше утверждение на берегах Босфора и Дарданелл неоспоримо в смысле непосредственной и прямой пользы для всего нашего великого государства. Разумеется, это господство над проливами так же мало будет нарушать интересы других государств, как и владение Англией обоими берегами Суецкого канала.

Теперь, как нельзя более своевременно помнить всем нам слова одного из наших лучших дипломатов: «Когда пробьет последняя часть Османской империи, Россия не в праве допустить, да и не допустить ни за что, чтобы проливы достались какой-либо другой державе, те самые проливы, что служат ключем к ее дому, и которые в руках ее врагов явились бы постоянною угрозою спокойствию южных ее окраин и самой территориальной целостности. Таков священный долг ее пред собою, внушенный заботою о собственной безопасности».

Мы подробно остановились на вопросе о черноморских проливах именно потому, что с ними тесно связана и вся наша политика в Малой Азии. Вопрос о проливах может быть разрешен только нашим обладанием ими. Обладать же ими действительно прочно мы будем только тогда, когда мы, — не морская держава, — придем к ним по суше и свяжем их с нашей территорией непрерывным континентальным путем. В прошлую нашу историю мы шли к Константинополю с севера, через Дунай и Балканы. Но, теперь, когда на нашем пути возникли независимые и национальные государства, Румыния и Болгария, северный путь нам закрыт; остался только путь с востока, от Кавказа через Малую Азию. В этом последнем обстоятельстве величайшая для нас стратегическая важность Малой Азии: Армения и Анатолия для нас единственный доступный мост к проливам и Константинополю.

Наряду с указанным основным нашим стратегическим интересом в Малой Азии имеется здесь и другой того же порядка, хотя и меньшей важности. Утверждаясь в Анатолии и Киликии, мы приобретаем и другой выход в Средиземное море, через залив Александретты.

Не надо забывать также, что приобретение нами Малой Азии не только обезопасит нас владением проливами и даст прямой сухопутный выход в Средиземное море, но и принесет нам богатую область, необычайно вы-

годную въ экономическомъ отношеніи. Мы не только найдемъ здѣсь прекрасныя и удобныя пространства для нашей колонизаціи, но въ естественныхъ произведеніяхъ почвы и въ ископаемыхъ рудахъ мы получимъ источникъ необычайныхъ богатствъ, телерь лежащихъ втунѣ.

Удовлетвореніе этихъ нашихъ государственныхъ, политическихъ и экономическихъ интересовъ не только не будетъ покояться на угнетеніи другихъ народовъ или на нарушеніи международной справедливости, но будетъ въ интересахъ самой человечности, такъ какъ этимъ мы прекратимъ дальнѣйшее существованіе турецкаго владычества, этого вопіющаго позора всего современнаго человечества, и возвратимъ, наконецъ, къ свободной и культурной жизни столь изстрадавшійся армянскій народъ, а другимъ полудикимъ обитателямъ Малой Азии впервые дадимъ возможность дѣйствительно цивилизованной жизни.

Наши стратегическіе, торговые, экономическіе и гуманитарные интересы въ Малой Азии особенно сдѣлаются намъ ясными послѣ болѣе близкаго знакомства съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя эта страна въ топографическомъ, хозяйственномъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

III.

ПУТИ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ И БАГДАДСКАЯ ДОРОГА.

Азиатская Турція естественнo дѣлится на четыре обособленныя части: Малую Азію, Месопотамію, Сирію и Ара-

вію. Подъ Малой Азіей условно понимается обширная страна, лежащая къ сѣверу и западу отъ Тавра, т. е. Анатолія въ тѣсномъ смыслѣ слова, Армения и Курдистанъ. Таврический хребтъ, составляющій естественную южную границу Малой Азии, простирается, изгибаясь змѣей, отъ Ликии и Адальскаго залива до озера Урминъ, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, съ тремя изгибами къ югу: въ горной Киликіи, къ югу отъ Харпута по слиянію Западнаго и Восточнаго Евфратовъ, и къ югу отъ озера Вана. Въ указанныхъ предѣлахъ поверхность Малой Азии равняется 690.000 кв. вкл. почти въ полтора раза больше Кавказа или Франціи), съ населеніемъ отъ 11—12 милліоновъ; изъ этого числа на долю Анатоліи приходится 500.000 кв. вкл. съ насел. въ 9 милліоновъ, а Армения съ Курдистаномъ 190.000 кв. вкл. съ 2½ милл. жителей.

Наши стратегическіе и политическіе интересы въ Малой Азии находятся въ тѣсной зависимости отъ направленія главныхъ малоазіатскихъ путей и отъ общаго географическаго строенія поверхности этой страны. Центральное плато, возвышающееся до 1.700

Стратегическое положеніе Малой Азии опредѣляется двумя основными факторами: непроходимостью Таврическаго хребта и доступностью Анатоліи со стороны Армянскаго плоскогорья. Высокій барьеръ Тавра всегда прелатствовалъ проникновенію въ Анатолію народовъ Аравіи и Месопотаміи. Благодаря чрезвычайной трудной проходимости этого хребта, жизнь Месопотам-

ской, Сирийской и Аравийской равнин протекала изъ общего течения жизни Анатолиі. И въ древности и въ средніе вѣка народы этихъ равнинъ, охваченные воинственнымъ духомъ, не разъ подчиняли себѣ отдаленныя страны въ Африкѣ, въ Персіи, въ Индіи. Но они никогда не могли прочно завоевать Анатолийской нагорной равнины и береговъ Мраморнаго моря. Тѣ самые арабы, которые сдѣлались владыками Индіи, побѣдителями Испаніи и завоевателями Южной Франціи, не могли подчинить себѣ слабыхъ византійскихъ императоровъ. Причина этого не въ силѣ Византіи, а въ топографической конфигураціи Малой Азіи. Однако, въ то время, какъ арабы, благодаря горному хребту, рѣзко обрывающемуся къ югу, съ необычайно трудными доступами, были безсильны за Тавромъ, пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря турки быстро проходятъ Персію, овлаживаютъ Эрзерумомъ, спускаются въ Анатолию и распространяются по полуострову съ необычайною легкостью.

Малая Азія открыта съ востока по самой природѣ указаннымъ путемъ, спускающимся съ высотъ Эрзерума. Центральное плато, возвышающееся до 1.700 метровъ, медленно понижается по направленію къ западу и къ Черному морю. Наиболѣе высокія горы Анатолиі не достигаютъ 1.300 метровъ. Рѣки текутъ на западъ и на югъ. Между горными краями открываются широкія долины, обширныя пространства, удобныя для прохода армій и для торговли. Климатъ мягокъ, почва плодородна, население достаточно густо. Это — путь къ Царьграду.

Основные историческіе пути всегда указываютъ на политическое, экономическое и стратегическое значеніе тѣхъ различныхъ мѣстностей, по которымъ они проходятъ: на ихъ участіе въ торговомъ оборотѣ и въ военной исторіи народовъ. Малая Азія пересекается двумя главными продольными путями, идущими съ запада на востокъ, и нѣсколькими поперечными (съ сѣвера на югъ).

Южный **казазиатскій продольный трактъ** идетъ отъ западнаго побережья Малой Азіи: а) въ его сѣверной части, отъ Босфора черезъ Измидь (Никомедию), Эскишеиръ (Дорилеумъ) и Аффиунъ-Карагиссаръ или б) въ его южной части, отъ Смирны до Аффиунъ-Карагиссара — и далѣе Конія, Киликійскія ворота, Адала, Аманскій прохоръ, Анитабъ, Низибинъ, Мюсулъ, Багдадъ, Персидскій заливъ. Этотъ путь одинъ изъ самыхъ древнихъ. Имъ шли арміи Ксеркса въ Грецію и Кира въ Месопотамію, имъ шелъ Александръ Македонскій въ Персію и Индію; это былъ трактъ сельджуковъ, имѣвшихъ свою столицу въ Коніи; здѣсь проходила почтовая линия изъ Константинополя въ Алеппо; здѣсь намѣчается новый путь въ Индію: такова одна изъ цѣлей Багдадской желѣзной дороги.

Пѣкогда единственный путь изъ Европы въ Индію шелъ отъ Тралезунда по долинѣ Тигра черезъ Багдадъ и Бассору и далѣе черезъ Бендеръ-Аббасъ по Персидскому побережью въ Индію. Потомъ съ открытіемъ морскаго пути вокругъ Африки, а въ 1869 г. съ прорытіемъ

Суецкаго канала путь этотъ быть оставленъ. Однако, въ последнее время въ связи съ выгодами параллельнаго морскому сухопутнаго желѣзнодорожнаго сообщения, древній историческій путь въ Индію снова пріобрѣлъ значеніе въ видѣ Багдадской желѣзной дороги. Сначала хотѣли осуществить этотъ путь англичане, еще съ 30-хъ годовъ (проекты полков. Чеснея и сэра Андрыю). Они намѣревались вести дорогу на Багдадъ и въ Индію по болѣе краткому и выгодному для нихъ направленію, съ Сирійскаго побережья. Но турки хотѣли, по стратегическимъ и политическимъ соображеніямъ, дорогу, начинающуюся отъ Константинополя, и потому отклоняли всѣе проекты, предполагающіе исходный пунктъ Багдадской дороги на Сирійскомъ или Киликійскомъ побережьяхъ.

Послѣ долгихъ дипломатическихъ и финансовыхъ перипетій, концессию на Багдадскую дорогу удалось получить нѣмцамъ. Соглашеніе о Багдадской дорогѣ между оттоманскимъ правительствомъ и нѣмецкимъ обществомъ азиатскихъ дорогъ было подписано 5-го марта 1903 года. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе финансовой стороны этого предпріятія, кто и въ какой мѣрѣ участвовалъ въ немъ своими капиталами, какую и когда гарантію давало оттоманское правительство. Въ настоящее время, когда поставленъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи самой Турціи, какъ государства, детали эти имѣютъ лишь историческій интересъ. Гораздо интереснѣе знать, насколько фактически подвинулись работы по проведенію

этой дороги. По даннымъ, имѣвшимся въ литературѣ передъ войной*), въ концѣ 1913 г. дѣло обстоило такимъ образомъ: Багдадская желѣзная дорога, начинаясь у Гайдаръ-Паши, проходитъ черезъ пункты: Конія (1.045 кил.), Эрегли, Бултурму, Киликійскія ворота, Адапа, Османіе, Аманскія ворота, Тель-Габешъ, Алеппо, Евфратъ, Гелифъ, Незбинъ, Мосуль, Багдадъ (2.680 кил.) (отъ Багдада до Персидскаго залива остается еще около 600 кил.). Послѣ Конія дорога пересѣкаетъ обширныя солончаковыя пустыни Ликаонія, проходитъ грозныя тѣсины Тавра, идетъ по богатой Аданской равнинѣ и черезъ Аманское ущелье выходитъ въ плодородный край Анитаба-Урфы. Путь былъ построенъ и дѣйствовалъ (въ 1914 г.) до Карабунара у Тавра, въ 291 кил. отъ Коніи (затѣмъ слѣдовалъ перерывъ въ Таврѣ), по Киликійской равнинѣ отъ станц. Доракъ на южномъ склѣнѣ Тавра до подножія Амануса, 140 кил. (затѣмъ новый перерывъ въ ущельяхъ Амануса), по ту сторону Амануса на разстояніи 200—300 кил. къ Алеппо и Евфрату, и отъ Багдада къ сѣверу до Самары (70—100 кил.). Громадныя затрудненія встрѣтились при проходѣ черезъ Тавръ и Аманусъ; потребовались обширныя работы, длинныя и многочисленныя тоннели. Работы эти до войны не были кончены и до

*) A. Hitch, Le chemin de fer de Bagdad au point de vue politique, économique et financier, ou l'expansion de l'Allemagne en Orient. Bruxelles. 1913 (239 стр.). Г. Шмидтъ, Желѣзнодорожное дѣло въ Азіатской Турціи (по нѣмецки) Берлинъ 1914 (155).

сихъ поръ не завершены. Путь изъ Константинополя въ Сирію и Месопотамію и теперь прерывается по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ.

Сѣверный малоазіатскій продольный трактъ идетъ отъ Тифлиса на Эрзерумъ и далѣе Эрзингянъ, Сивасъ, Юзгать, Ангора, Эскишеръ и Скутари-Константинополь. Турція, конечно, нуждается въ жельзнодорожномъ пути на Эрзерумъ изъ Анатоли и Месопотаміи. При отсутствіи этой линіи Турція могла нормально противопоставить Россіи только три корпуса (9-й, 10-й и 11-й), стоявшіе въ Эрзерумѣ, Эрзингянѣ и Ванѣ. 8-й корпусъ изъ Дамаска, 12-й изъ Мосула, 13-й изъ Багдада и 14-й изъ Геджаса, безъ жельзныхъ путей сообщенія, могли быть доставлены только съ величайшимъ трудомъ. Уже въ 1892 г. была построена жельзная дорога отъ Босфора до Ангоры. Продолжить же ее далѣе въ восточномъ направленіи помѣнала турецкому правительству главнымъ образомъ оппозиція Россіи *). Впрочемъ, въ выборѣ для Багдадской дороги южнаго направленія оказали влияние и собственныя соображенія Турціи. Южное направленіе удалено отъ русской границы, сообщается съ моремъ черезъ Смирну и Александретскій заливъ и защищено въ наибольшей открытой части своего

*) Во время нынѣшней войны были слухи, что постройка продолжалась по направленію къ Сивасу, но какъ далеко она подвинулась и произвоцилась ли она дѣйствительно, намъ неизвѣстно.

протяженія горнымъ хребтомъ Тавра и рѣками Гигромъ и очевидно, не было.

Евфратомъ. При желаніи вести по отношенію къ Россіи политику не оборонительную, а активную, Турція должна была бы выбирать для Багдадской дороги сѣверное направленіе. Но такого желанія у турецкаго правительства нуть къ нимъ черезъ Эрзерумъ—Сивасъ—Ангору. Проф.

Россія заинтересована главнымъ образомъ въ сѣверномъ пути, такъ какъ этотъ путь ведетъ ее къ Царьграду, и потому мы должны стремиться, утвердившись въ провинціяхъ, нуть въ своихъ рукахъ и прямой континентальной А. Воейковъ *) полагать, что Россія можетъ довольствоваться владѣніемъ южнымъ побережьемъ Чернаго моря, съ обширной полосой вглубь, не менѣе 150 верстъ, такъ чтобы параллельно береговой жельзной дорогѣ можно было провести другую по нагорьямъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Такой путь намѣчался бы, напримѣръ, сверху по Чороху (впадающему въ Черное море близъ Батума) и по верховьямъ Иешиль-Ирмака и его притоковъ на Токать, или же гораздо южнѣе еще отъ Карса на Эрзерумъ, Эрзингянъ и Сивасъ на Токать, далѣе на Амасію, въ рѣчную область Кизиль-Ирмака, черезъ невысокій переваль къ Ангорѣ и оттуда по долинѣ Сакаринъ къ озеру Сабанджа и на соединеніе съ Евфратской жельзной дорогой около Константинополя. Однако, присоединеніе къ

*) А. Воейковъ, Россія и турецкое наслѣдство, Новый Экономистъ, 1914, № 46.

Россія такой значительной части Малой Азии исключает возможность существованія какого бы то ни было самостоятельнаго государства въ остальной южной, слившемъ незначительной, части полуострова. Политически и географически Малая Азія есть единое цѣлое, и едва ли возможно и желательно дробленіе ея на части.

Важное значеніе въ политической географіи Малой Азии имѣютъ и четыре поперечныхъ (меридиональных) пути: 1) отъ Чернаго моря въ Персію: Трапезундъ, Эрзерумъ, Баязетъ, Тавризь; 2) отъ Чернаго моря въ Месопотамію, восточное направленіе: Трапезундъ, Эрзерумъ, Мунъ, Битлисъ, Месопотамія; 3) отъ Чернаго моря въ Месопотамію, западное направленіе: Трапезундъ, Эрзинтъ (или Синоъ, Сивастъ, Малатія), Харпутъ, Діарбекіръ, Месопотамія; 4) отъ Чернаго моря къ Бирскому морю: Синоъ, Самсунъ, Амазія, Токать, Сивастъ, Кесарія, Киликійскія ворота, заливъ Александретты (это, кажется, самый древній путь черезъ Анатолію). Для насъ, русскихъ, немалое политическое значеніе имѣетъ также и діагональный путь (правда, не разработанный): отъ Эрзерума въ Киликію, къ заливу Александретты.

Трапезундъ важенъ какъ исходный пунктъ поперечныхъ путей въ Арменію. Со стороны моря онъ имѣетъ прекрасную стоянку для судовъ, а къ югу отъ него начинается Деирмендское ущелье, единственно пригодное для проведенія дороги черезъ главный хребетъ юнѣйшихъ Париадръ. Ныѣшняя дорога въ разстояніи около 30 верстъ отъ Трапезунда развѣтвляется на три отдѣльные пере-

вала и снова сливается на южной сторонѣ горъ. Отъ Трапезунда до Эрзерума около 300 верстъ. По этому пути когда-то шла добрая половина торговли Европы съ Персіей.

IV.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦѢННОСТЬ МАЛОЙ АЗИИ.

Считая обладаніе всей Малой Азіей (съ Киликіей и Сѣверной Месопотаміей) одной изъ главныхъ цѣлей русской политики въ Турціи, мы полагаемъ, что къ этому обладанію Россію должны побуждать не только настоятельныя стратегическія соображенія, но и могущественныя экономическія интересы. Запущенная сейчасъ, заброшенная и почти безхозяйная, страна эта можетъ сдѣлаться источникомъ громаднѣйшихъ богатствъ для Россіи. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ компетентные исследователи Азіатской Турціи.

«Сельскія и минеральныя богатства Анатоліи, — писалъ о ней одинъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи Малой Азии, англійскій генералъ Чарльзъ Уилсонъ, — при правильной ихъ разработкѣ, могли-бы быть громадны; за исключеніемъ Америки, я нигдѣ не встрѣчалъ такой хорошей почвы для пшеницы, какъ здѣсь; наврядъ-ли существуетъ страна, которая-бы производила такое разнообразіе прекрасныхъ плодовъ; амазіійскія яблоки и ангорскія груши, разведенныя отъ англійскихъ отростковъ, едва-ли уступятъ самымъ лучшимъ ихъ сортамъ; культуривозаніе

винограда, оливковых и фиговых деревьев может производиться в самых широких размерах на южн. и зап. берегах. Во многих округах может быть усиленно производство шелка, хлопка, рису, опиума, соевого растения, табаку, марены, астрагала, желтых ягод, дуба, розковых деревьев и т. д. На скатах гор пасутся в неслыханном количестве овцы и козы (в том числе и тонкорунные ангорские), а на высоких горных равнинах — верблюды и лошади сильной породы. Из минералов извлекаются: золото, серебро, олово, железно, каменный уголь, бура, хром, валяльная глина, каменная соль, каолин; морская глина, озерная и морская соль (в большом количестве); во многих местах встречаются: мрамор и лучшие сорта мрамора. Азиатия, имеющая необыкновенно выгодное очертание берегов и большие земельные и минеральные богатства, должна бы сделаться одною из цветущих стран в мире; но она находится в жалком положении. Этим она обязана целым рядом дурного управления. Но придет время, когда вновь станут разрабатываться ее природные богатства, и тогда она займет первенствующее место в Леванте.*)

Географическое обозрение отдельных малоазиатских вилайетов, как нельзя лучше, подтверждает это общее заключение о громадных экономических ресурсах Малой Азии.

*) Заметки по географии Малой Азии Чарльза Уильсона (Изв. Кавказ. Отд. Рус. Геогр. Общ., 1884—1885 г.)

Трапезундский вилайет. Большая часть провинции покрыта горной цепью, окаймляющей южный берег Черного моря и образующей, посредством постепенного возвышающихся уступов, водораздельную линию Анатолии. На север стекают Чорох, Харшут и Зеленая река (Ишил-ирмак); на юг — Евфрат. Этот хребет, — Повтийский Тавр или Париадры — тянется параллельно черноморскому берегу (в расстоянии около 50 верст от берега), постепенно повышаясь в направлении к востоку: до Гюмюш-хане он имеет от 4 до 5,000 футов высоты, на восток от Гюмюш-хане он сначала возвышается до 6—8,000 футов, а у русской границы достигает почти 10,000 футов. По мере приближения к морскому берегу, горы понижаются, но в некоторых местах достигают почти самого берега. Они покрыты богатой растительностью и прорезываются множеством горных потоков, стекающих в море. Почва трапезундской области повсюду плодородна. Произведения ее разнообразны. Климат вообще умеренный, с частыми дождями. За исключением небольших болот, вся область имеет здоровый климат. Прибрежная полоса покрыта апельсиновыми, помаранчевыми и лимонными деревьями, дающими прекрасные плоды. Страна изобилует рисом, но богата также маисом и фруктовыми деревьями. Широким долинам Красной реки (Кизиль-ирмака, древняго Галиса) и Зеленой реки (Ишил-ирмака, древ. Ирса) изобилуют строевым лесом. Низменная наносная равнина у устья Кизиль-ирмака особенно плод-

рода, богата рисомъ и табакомъ, лѣсна по берегамъ большихъ прѣсноводныхъ озеръ. Въ сосѣдствѣ Тиреболли, на западѣ отъ Трапезунда, находится желѣзо. Въ Гюмшъ-хане изобилуютъ серебряныя и свинцовыя руды. Покрытый лѣсами округъ Никсара богатъ также минералами, преимущественно серебромъ, мѣдью и квасцами.

Сивасская провинція. Пятая часть области открыта лѣсами; остальная поверхность довольно равномерно распределена на пахотныя земли и пастбища. Здѣсь протекаютъ главные рѣки Анатоліи: Иниль-ирмакъ и Кизиль-ирмакъ. Сивасская область лежитъ на главномъ пути изъ Константинополя въ Месопотамію и важна въ торговомъ отношеніи. Она чрезвычайно производительна, особенно зерномъ и шерстью. Близъ Карагиссара большой рудовошный округъ, богатый квасцами, мѣдью, серебромъ и свинцомъ. Близъ Токата большія мѣдныя копи. Туркменское населеніе этой области даетъ пачушную часть турецкой арміи.

Ангорская область. По общему характеру, область представляетъ плоскую возвышенность въ 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Западную часть этой возвышенности занимаетъ обширная солончаковая равнина, почти необитаемая. Здѣсь находится обширное соляное озеро Тузь-гель. Въ сѣверной и восточной частяхъ области находятся нѣкоторые изъ лучшихъ пахотныхъ и пастбищныхъ мѣстностей Анатоліи. Южная часть также богата, хорошо воздѣлана и весьма производительна.

Близъ Ерекли и Сангуздака находятся каменноугольныя копи, единственныя разрабатываемыя въ Анатоліи.

Кастамунійская область. Область эта занимаетъ побережье Чернаго моря, къ западу отъ Трапезундской, и отдѣлена отъ центрального плато прибрежными горными хребтами, склоняющимися къ морю. Въ этой области много потоковъ, но большихъ рѣкъ нѣтъ. Горы весьма лѣсисты; долины очень плодородны и особенно изобилуютъ рисомъ.

Вообще говоря, экономическіе ресурсы Малой Азій сводятся главнымъ образомъ къ чрезвычайно благоприятнымъ условіямъ, въ климатическомъ и почвенномъ отношеніи, для интенсивнаго сельскаго хозяйства, для разведенія хлѣбовъ, табаку, фруктовыхъ садовъ, а также для скотоводства (и теперь тамъ процвѣтающаго); кромѣ того, почва богата лежащими еще втунѣ разнообразными рудами, особенно мѣдью. Въ то же время географическое положеніе Малой Азій чрезвычайно выгодно въ торговомъ отношеніи.

Чего не хватало до сихъ поръ Малой Азій, это желѣзныхъ дорогъ. Проведеніе ихъ должно вызвать необычайный расцвѣтъ всего этого края. Въ запискѣ, представленной въ іюль 1878 года султану, англійскій досель Лэардъ совершенно справедливо писалъ: «Въ Анатоліи вашему величеству принадлежать территоріи, богатыя рудой, лѣсомъ и сельско-хозяйственными продуктами. Но Анатолія запущена не менѣе Багдадскаго вилайета. Города, которые процвѣтали при предкахъ вашего вели-

чества, какъ напр. Конія, теперь почти въ развалинахъ. Прямые и удобные пути сообщенія со столицей и Европой способствовали бы возстановленію ихъ прежняго процвѣтанія, давъ сильный толчокъ торговлѣ. Железная дорога, которая прошла бы черезъ богатія мѣстности къ западу отъ Тигра и связала бы города: Діарбекиръ, Мардинъ, Арбеллы и др., открыла бы страну для торговли и привлекла бы осѣдлое и трудолюбивое населеніе въ округа, нынѣ пустующіе».

Въ возможности большого увеличенія хлѣбнаго производства въ Малой Азіи таится не малая для насъ опасность экономической конкуренціи. На эту опасность уже 25 лѣтъ тому назадъ указывалъ въ одной секретной запискѣ нашъ бывшій посолъ въ Константинополь Н. Чарыковъ: «Кромѣ зернового хлѣба: въ томъ ячмѣ и ржи, составляющей, пока, почти монополію Россіи, — кукурузы и муки, Малая Азія будетъ конкурировать съ нами и многими другими, свойственными нашему югу, сельскохозяйственными продуктами, какъ-то шерсть, мясо (рогатый скотъ), вслѣдствіе прекрасныхъ данныхъ для развитія скотоводства, и даже продуктами сельско-хозяйственной промышленности, каковы спиртъ, крахмалъ и т. п. Сверхъ того, Малая Азія производитъ, какъ извѣстно, высокаго качества шелкъ, виноградъ, виноградное вино, оливки, всякаго рода фрукты и хлопчатъ, между прочимъ, изъ египетскихъ сѣмянъ. Въ общемъ, въ сельскохозяйственномъ отношеніи, Малая Азія соединяетъ въ себѣ благоприятнѣйшія условія южной Россіи и Закавказья, коего она

является географическимъ продолженіемъ, и если имѣть въ виду, что, пока, насколько извѣстно, не болѣе $\frac{1}{3}$ удобной земли обрабатывается и что, по общему отзыву, въ Малой Азіи открыты громадныя и благодарныя просторы для земледѣльческой колонизаціи, то невольно приходитъ мысль, что насколько невыгодно для Россіи имѣть эту страну сосѣдомъ и конкурентомъ, настолько было бы выгодно, если бы страна эта находилась съ Россіей въ экономическомъ единеніи.»*)

Когда-то эти страны были прекрасны и богаты. Но стоило появиться туркамъ, и отъ всего прежняго блеска, богатства и процвѣтанія не осталось ничего. Небрежность и лѣнь турокъ опустошили эти прекрасныя области, и теперь тамъ лишь глухая бѣдность, жалкое населеніе и развалины прежняго величія. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, когда порядокъ и миръ будутъ даны этой странѣ, когда будутъ проведены дороги, просвѣщено населеніе, орошены степи, этотъ край снова сдѣлается однимъ изъ самыхъ благословенныхъ на земномъ шарѣ.

V.

НАСЕЛЕНІЕ МАЛОЙ АЗИИ.

Ставя радикально вопросъ о полной ликвидаціи Турецкой имперіи и о присоединеніи къ Россіи всей Малой

*) Н. Чарыковъ. „Вопросъ о малоазійскихъ желѣзныхъ дорогахъ“ (Сборникъ геогр., топогр. и стат. матер. по Азій, вып. 49, 1891, стр. 1-32) Секретно).

Азии, как необходимомъ пути къ Константинополю и какъ источникъ экономическаго обогащенія Россіи, мы естественно приходимъ къ вопросу о населеніи Малой Азии. Если это населеніе представляетъ собою единое компактное цѣлое, пропикнутое развитымъ національнымъ сознаниемъ, то въ такомъ присоединеніи будетъ нарушение международной справедливости и права каждаго народа на самобытное существованіе, за каковыя принципы борются въ этой войнѣ Россія и союзныя съ ней державы.

Разсмотрѣніе этнографическаго состава населенія Азіатской Турціи, въ связи съ ея исторіей, открываетъ намъ нѣсколько неожиданный фактъ, что въ Малой Азии нѣтъ кореннаго населенія съ ясно выраженнымъ національнымъ сознаниемъ, а, главное, въ Турціи нѣтъ ту-роецъ. Это звучитъ, быть можетъ, парадоксально, но выражаетъ самую подлинную дѣйствительность; т. е. нѣтъ турецкаго большинства въ странахъ, входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, и вообще нѣтъ нигдѣ того ядра, вокругъ котораго могло быть образовано національное турецкое государство.

Фактъ этотъ почему-то въ большинствѣ случаевъ мало принимается во вниманіе, а между тѣмъ онъ существенно важенъ для опредѣленія дальнѣйшей судьбы Турціи и особенно для правильнаго и полнаго разрѣшенія пани нашихъ национальныхъ задачъ на югѣ. Въ политической литературѣ постоянно говорятъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о возможномъ въ будущемъ возрожденіи и

даже «укрѣпленіи» Турціи въ случаѣ, если она ограничена будетъ предѣлами Малой Азии, объ Анатолиі, какъ о настоящей народной, національной Турціи. Все это неправильно.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, Турція въ ея исторіи и въ ея современности состояніи? Похожа ли она по самой природѣ своей на другія государства цивилизованнаго міра? Возникла она, какъ захватъ власти надъ множествомъ народовъ слабыхъ, хотя и живущихъ въ прекраснѣйшихъ странахъ, кочевнической ордой, громадной разбойничьей шайкой, сильно въ военномъ отношеніи организованной. Когда-то еще въ XI вѣкѣ монгольскіе кочевники, турки сельджуки, вышли изъ нынѣшняго Туркестана и завладѣли Хорасаномъ, Арменией и Малой Азіей. Въ теченіе XII и XIII вѣковъ они вели борьбу съ крестоносцами, распались на десятковъ эмиратствъ и сильно ослабли. Однако, въ началѣ XIV вѣка наиболѣе сильному изъ этихъ эмировъ, Осману, имѣвшему резиденцію въ Эрзерумѣ, обратившемуся въ магометанство, удалось придать новое могущество турецкому владычеству. Предводительныя имъ полчища, принявшія въ честь его названіе османлисовъ, взяли Бруссу и тамъ у береговъ Мраморнаго моря основали новую столицу. Въ теченіе XIV вѣка османлисы вели войны на Балканскомъ полуостровѣ, постепенно завоевывая Сербію, Боснію, Болгарію, Румынію, Грецію. Борьба съ другими турками и пораженіе османлисовъ при Ангорѣ Тамерланомъ, лишь на время остановили успѣхи османлисовъ. Въ 1453 году султаномъ Ма-

гометомъ II взять былъ Константинополь и образована одна изъ обширѣйшихъ и могущественнѣйшихъ имперій, когда-либо существовавшихъ. При Сулейманѣ Великолѣпномъ въ XVI вѣкѣ въ нее входили уже Алжиръ, Тунисъ, Египеть, Сирія, Аравія, Месопотамія; Черное море было турецкимъ озеромъ и на Балканахъ турецкія войска доходили до Вѣны.

Но была ли эта могущественная имперія государствомъ въ истинномъ смыслѣ слова, гдѣ есть единое національное чувство, опирающееся на одну господствующую націю? Нѣтъ, это была и осталась лишь пестрая и механическая смѣсь множества народовъ, живущихъ на своихъ родныхъ территорияхъ и подчиненныхъ чуждой имъ всѣмъ арміи и ея военнопачальнику султану, прочно утвердившимся на берегахъ Босфора.

Это — не имперія, созданная, какъ Россія, путемъ постепеннаго собиранія родственныхъ народовъ въ единое цѣлое и неизбежнаго притяженія въ свою орбиту сосѣднихъ племенъ; это — и не сильное національное государство, взявшее подъ свой протекторатъ множество слабыхъ народовъ, подобно древнему Риму или современной Англіи; это — лишь военная диктатура, политическій деспотизмъ, одинаково чуждый всѣмъ подвластнымъ народамъ и опирающийся на одну силу арміи. Уничтожьте эту диктатуру, разсыпьте эту армію, набираемую изъ всѣхъ народовъ, и самое имя Турція исчезнетъ, какъ исчезла имперія Чингизъ-хана, какъ исчезла Золотая орда.

Турція не государство въ его современномъ пониманіи,

а только своеобразная форма «татарскаго ига» надъ славянами, арабами, армянами, греками. Поэтому нельзя и провести разумныхъ и справедливыхъ границъ Турціи, ее лишь можно «упразднить». И дѣйствительно, вся исторія этого печальнаго политическаго недоразумѣнія, именуемаго Оттоманской имперіей, есть лишь постепенное упраздненіе его. Мало-по-малу освобождались Венгрія, Греція, Молдавія и Валахія, Сербія и Болгарія, Алжиръ, Тунисъ и Египеть, Крымъ и Кавказъ, Албанія и острона Архипелага, — и нигдѣ «турокъ» не оказалось.

Нигдѣ ихъ и не окажется, такъ какъ ихъ нигдѣ нѣтъ. Нѣтъ ихъ и въ современной Турціи, т.-е. нѣтъ какъ компактной массы населенія, занимающаго опредѣленную территорию. Нѣтъ ихъ въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ живутъ арабы и евреи, нѣтъ ихъ и въ Аравіи, не желающей даже признавать ихъ господства, нѣтъ ихъ въ Месопотаміи съ арабскимъ и иранскимъ населеніемъ, нѣтъ ихъ даже въ Константинополѣ, гдѣ они составляютъ меньшинство.

Говорять объ изгнаніи турокъ въ Анатолію; во всякомъ національнаго государства и въ Анатоліи турки создать не могутъ по той простой причинѣ, что и Малая Азія не турецкая страна. Въ шести восточныхъ вилайетахъ составляющихъ турецкую Арменію (Ванъ, Битлисъ, Діарбекиръ, Эрзерумъ, Харпутъ, Сивасъ), живутъ армяне, курды (племя иранскаго происхожденія) и среди нихъ турки. Въ Киликіи, расположенной по заливу Александретты (гдѣ находится естественный выходъ нашего Закавказья и Арменіи къ морю и куда должна стремиться Россія), живутъ также армяне. Въ вилайетахъ западной

части Малой Азии населено, главнымъ образомъ, лишь плодородное и цвѣтущее побережье Средиземнаго и Чернаго морей. Основное ядро этого населенія — греки, съ приливью армянъ и евреевъ, и лишь ничтожное количество турокъ. Остается центральное нагорное плато Ангоры, Конія и Кайсарин. Здѣсь бродятъ разные кочевники, въ томъ числѣ и турки, и живетъ незначительное осѣдлое населеніе.

Можно ли и слѣдуетъ ли говорить о созданіи особаго турецкаго государства среди анатолійскихъ кочевниковъ? Еще менѣе, чѣмъ о созданіи албанскаго государства. Турція существовала и еще, къ сожалѣнію, существуетъ вслѣдствіе двухъ вѣдшихъ причинъ: 1) захвата военной власти разбойнической кочевой шайкой, которая, сосредоточивши въ своихъ рукахъ монополию вооруженной организованной силы, могла, хотя часто и съ грѣхомъ головоламъ, подавлять внутреннія возстанія; 2) соперничество великихъ державъ, искусственно поддерживавшихъ существованіе Оттоманской имперіи и всячески гальванизировавшихъ этотъ политическій трупъ. Устраните эти двѣ случайныя причины, разбейте турецкую армию и примните соперничающія державы (и то и другое, надо надѣяться, наконецъ, совершится), и Турція останется въ памяти народовъ, какъ долгій историческій кошмаръ, какъ пятъ вѣковъ татарскаго ига, нехлѣно угнетавшаго лучшую часть земного шара, гдѣ традиція человечества помѣщаетъ рай земной, гдѣ вѣлъ Гомеръ, откуда — изъ Юнійскихъ колоній — пошла когда-то наша дивилляція, гдѣ гробъ Господень.

VI.

РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Русскіе впервые появляются въ Малой Азии со временъ Петра Великаго. Этотъ дальновидный монархъ твердо поставилъ Россіи, какъ основную задачу ея вѣдшей политики, овладѣніе берегами Чернаго и Каспійскаго морей. Въ 1723 г., воюя съ Персіей, Петръ Великій съ 30.000 солдатъ направляется изъ Астрахани на югъ, переходить черезъ Терекъ и движется по дорогѣ Дербентъ-Баку, огибаетъ съ востока Кавказскій хребетъ и доходитъ до устьевъ Куры. Однако, послѣ него, въ 1732—1735 г. русскіе очищаютъ Закавказье и возвращаются за Терекъ. Снова русскіе приходятъ въ эти предѣлы лишь при Екатеринѣ II. Въ 1770 г. Грузія ищетъ защиты и покровительства Россіи противъ Турціи. Русскія войска соавляются въ Тифлисъ, доходятъ до Чернаго моря, берутъ Поты и движутся къ Трапезунду, но почти непроходимое въ то время побережье Лазистана препятствуетъ этой экспедиціи. По Кутукъ-Кайнарджійскому договору 1774 г. Россія не удерживаетъ, однако, за собою Грузію и отдаетъ ее сюзеренитету Турціи. Но этотъ сюзеренитетъ продолжается недолго. Въ 1783 г. грузинскій царь Гераклій окончательно отдаетъ свою страну подъ покровительство Россіи. Послѣ неудачной для Грузіи войны съ Персіей Россія влѣзываетъ въ борьбу въ пользу своего вассала. Въ 1801 г. Грузія окончательно присоединяется къ Россійской имперіи.

Въ 1807 г., во время войны Россіи съ Турціей, генералъ Гудовичъ разбилъ турокъ близъ Александрополя, но потерпѣлъ неудачу у Ахалкалаки. Въ 1809 г. у турокъ былъ взятъ Поті, и нанесено поражение персамъ. Въ 1811 г. полковникъ Котляревскій взялъ у турокъ Ахалкалаки, а послѣ бухарестскаго мира въ 1812 г. съ турками, перешелъ Араксъ и разбилъ персидскую армію. По Гулистанскому миру 1813 г. персы уступили намъ территорію до Аракса. Въ 1827 г. персы слова начали противъ насъ военныя дѣйствія, но генералъ Паскевичъ нанесъ имъ поражение у Елизаветполи и въ 1827 г. вторгся въ Персію, взялъ Нахичевань, Эривань, Тавризъ, оккупировалъ Азербейджанъ, прошелъ мимо озера Урмія, овладѣлъ Ардебилемъ и двинулся на Тегеранъ. Охваченные паникой персы въ Туркмачаѣ просили мира и по этому миру уступили намъ свою Арменію. Начавшаяся война съ Турціей привела Паскевича въ 1828 г. къ Эрзеруму, который послѣ нашихъ побѣдъ на сѣжныхъ вершинахъ Сангуздака сдался въ июль 1828 г. Военныя операціи были продолжены дальше въ направленіи къ Сивасу, гдѣ наши войска дошли до Кизикъ-Чифтлика, и къ Трапезунду, гдѣ нами были заняты Байбуртъ и Гюмишъ-хане. Адрианопольскій миръ прервалъ успѣхи Паскевича въ Малой Азій.*)

Вскорѣ, въ 1833 г., русскія войска снова появились

*) Ср. Ушаковъ, „Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828—1829“. 2 т. Варшава. 1848.

въ Малой Азій, на сей разъ со стороны Босфора и для нападенія, а для обороны Оттоманской имперіи отъ воювавшаго ея вассала, египетскаго паши Ибрагима, угрожавшаго изъ нѣдръ Анатолиі самому Стамбулу. (Пронія судьбы и нелѣпца антинаціональной полтички!). Въ войну 1854—1855 г. русская армія снова появилась предъ Эрзерумомъ (у Девебойну), но вслѣдствіе медлительности командующаго Эрзерумъ не былъ взятъ, и наши операціи въ Азій ограничились лишь взятіемъ Карса. *)

Въ русско-турецкую войну 1877—1878 г. наши войска движутся къ Эрзеруму, входятъ въ него по Савь-Стефанскому договору, но оставляютъ его по Берлинскому трактату. Россія добивается, однако, внесенія въ этотъ трактатъ 61-й статьи, обязывающей Порту произвести реформы въ областяхъ, населенныхъ армянами. Реформы эти никогда не были осуществлены, и это побудило Россію нѣсколько разъ вмѣшиваться; въ 1913 г. Россіей былъ предложенъ великимъ державамъ планъ реформъ въ Арменіи, не нашедшій, однако, осуществленія, благодаря сопротивленію Германіи и Австріи.

До войны 1878 г. Россія въ своемъ движеніи къ Малой Азій встрѣчала сопротивленіе главнымъ образомъ со стороны Англіи; послѣднія же десятилѣтія здѣсь появился новый врагъ, который сталъ угрожать не только намъ, но и нашимъ прежнимъ недоброжелателямъ—англичанамъ. На арену международной полтички выступилъ

*) М. Лихутинъ. „Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854—1855 г.“ П. 1863.

нѣмецкій имперіализмъ. Правда, на Азіатскую Турцію нѣмцы обратили свое благосклонное вниманіе нѣсколько ранѣе. Въ 40-хъ годахъ по Малой Азій путешествовать, въ качествѣ инструктора турецкой арміи, Мольтке. Въ своихъ статьяхъ, описывавшихъ результаты своей поездки, онъ ждался на отсутствіе тамъ нѣмецкаго вліянія и настаивалъ на необходимости образованія нѣмецкаго княжества въ Палестинѣ. Тогда же нѣмецкіе экономисты Рошеръ и Родбертусъ выражали надежду еще при жизни своей увидѣть «Турцію въ рукахъ Германіи и нѣмецкихъ солдатъ на берегахъ Босфора». Бисмаркъ на словахъ относился равнодушно къ восточному вопросу, такъ какъ «восточный вопросъ не стоитъ-де костей одного померанскаго гренадера» (рѣчь его въ 1876 г.); на дѣлѣ, выѣшавшись въ 1878 г. въ восточный вопросъ и разыгравши всѣмъ извѣстную роль «честнаго маклера» при заключеніи Берлинскаго трактата, онъ толкнулъ Австрію на Балканы, приобрѣлъ дружбу Англіи и далъ новое направленіе германской политикѣ: Балканскій полуостровъ и Турецкую имперію. Въ 1882 году въ Константинополѣ появляется германская военная миссія генерала Гольца (наши). Постепенно тамъ утверждается германское вліяніе. Артиллерійскіе заказы дѣлаются Турціей уже не во Франціи, какъ раньше, а у Круппа. Германія очень искусно, подъ личиной друга, втирается въ турецкую политику и начинаетъ играть на берегахъ Босфора доминирующую роль. Абдуль-Гамидъ дѣлается западнымъ пріятелемъ Вильгельма II.

Консервативный и милитаристическій характеръ Германіи былъ особенно по душѣ Абдуль-Гамиду и вообще турецкому правительству, тѣмъ болѣе, что вначалѣ Германія не внушала никакихъ подозрѣній въ политическихъ замыслахъ на Турцію, тогда какъ Россія, Англія, Австро-Венгрія и даже Франція имѣли притязанія на различныя части Оттоманской Имперіи. Уже въ 1888 г. Вильгельмъ II совершилъ поездку въ Константинополь и приказалъ построить тамъ въ память этого посѣщенія фонтанъ съ надписью «истинному другу султану Абдуль-Гамиду». Вскорѣ послѣ армянскихъ погромовъ Вильгельмъ совершаетъ въ 1898 г. вторую поездку въ Палестину; въ Дамаскѣ, возлагая вѣнокъ на могилу Саладина, съ которымъ воевали когда-то крестоносцы, онъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ: «Пусть его величество султанъ, а также 300 милліоновъ мусульманъ, почитающихъ въ немъ своего халифа, будутъ увѣрены, что германскій императоръ ихъ другъ навсегда». Однако, послѣ революціи, когда младотурки низвергли Абдуль-Гамида, Вильгельмъ II, шулеръ по характеру и предатель въ душѣ, спокойно отвернулся отъ своего «истиннаго друга навсегда» и любезно помогъ младотуркамъ найти капиталы Абдуль-Гамида, положенные въ германскихъ банкахъ.

Подобной политикой Германія сумѣла добиться отъ турецкаго правительства обширныхъ концессій въ Малой Азій. Начиная съ 1888 г., когда небольшая желѣзнодорожная линія, принадлежавшая турецкой казнѣ, отъ Ску-

тари на Намидь, была уступлена нѣмецкому обществу, за которымъ стоялъ «Нѣмецкій банкъ», происходитъ постепенное завоеваніе Турціи Германіей. Въ 1899 г. это общество, сдѣлавшееся обществомъ анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, получило концессию на постройку Багдадской желѣзной дороги.

Конкурировало два проекта: сѣверный и южный. По сѣверному проекту дорога должна была идти: Ангора-Сивасъ - Харпутъ - Дيارбекиръ - Моссуль - Багдадъ - Бассора. Въ пользу этого проекта говорило то, что дорога проходила бы по болѣе плодороднымъ и болѣе населеннымъ мѣстностямъ, чѣмъ при южномъ направленіи; постройка дороги стоила бы меньше, такъ какъ при южномъ направленіи надо было преодолѣвать Тавръ у Киликійскихъ воротъ и Аманусъ у Аманскихъ воротъ. Кромѣ того и стратегически важнѣе былъ сѣверный вариантъ. Однако, противъ этого варианта выступила Россія, какъ противъ нарушающаго ея интересы.

Дѣло въ томъ, что русское правительство имѣло нѣкоторое, хотя и косвенное, договорное право на участіе въ вопросахъ, касающихся малоазійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ русско-турецкой конвенціи 2-го мая 1882 г. ежегодная уплата Турціей Россіи контрибуціи въ 350.000 турецкихъ фунтовъ было обезпечено налогомъ на овецъ и десятиной въ определенныхъ вилайетахъ Малой Азіи. Статья 8-я этой конвенціи гласила, что турецкое правительство «s'engage à interdire à son ministre des finances ainsi qu'à l'administration du vilayet ou du moutssariflik

d'émettre des havalés, chèques et autres ordres de paiement sur les taxes des moutons et sur les dimes ainsi assignés dans les localités indiquées». Изъ сопоставленія 4, 5, 7 и 8 статей этой конвенціи слѣдуетъ, что турецкое правительство не имѣетъ права отчуждать впредь, въ видѣ гарантіи, напр., для желѣзной дороги, десятинный сборъ въ какой-либо изъ поименованныхъ въ конвенціи мѣстностей, именно въ вилайетахъ Конія, Кастамуни, Адана, Сивасъ, Алеппо, Харпутъ. Этими доходами русское правительство имѣетъ право пользоваться въ теченіе 100 лѣтъ. Между тѣмъ, гарантіей турецкаго правительства при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ служилъ десятинный сборъ съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходила дорога. На этомъ основаніи, когда въ 1891 г. Порта хотѣла выдать концессию на линію, проходящую черезъ Конійскій, Самсунскій и Сивасскій вилайеты, русскій посолъ въ Константинополѣ обратился къ турецкому правительству съ нотой, ссылавшейся на указанныя статьи конвенціи 1882 года и заявлявшей, что русское правительство не можетъ остаться безучастнымъ къ этимъ намѣреніямъ Порты.

Точно такъ же, когда въ 1899 г. Турціей было дано нѣмцамъ предварительное разрѣшеніе произвести изысканіе Багдадской дороги въ сѣверномъ направленіи, Россія вмѣшалась, протестуя противъ проведенія дороги вблизи своей границы, и добилась султанскаго праде отъ 7-го апрѣля 1900 г., по которому оттоманское правительство обязалось не давать никому, кромѣ русскихъ капиталистовъ, концессіи на постройку и эксплуатацію желѣз-

ныхъ дорогъ къ сѣверу отъ линіи, идущей отъ Ваа на Битансъ, Харнутъ, Сивасъ, Ангору и берегъ Чернаго моря къ востоку отъ Эрзела.

Нѣмцы получили концессию на постройку дороги съ чрезвычайно высокой гарантіей отъ турецкаго правительства, равнявшейся 16.500 франковъ на километръ; причемъ уплата этой поверстной гарантіи обезпечивалась доходами съ опредѣленныхъ провинцій. Кроме того, общество получило право на разработку рудъ въ 20-верстной зонѣ отъ линіи желѣзной дороги и право оборудованія портовъ и постройки всякихъ сооружений вдоль дороги. Главнымъ дѣятелемъ этого общества былъ директоръ «Нѣмецкаго банка». Интересна вообще роль германскихъ банковъ, этихъ застрѣльщиковъ нѣмецкаго империализма, идущихъ впереди германской промышленности и ей открывающихъ пути.

Концессія на Багдадскую дорогу была громаднымъ успѣхомъ Германіи и вполнѣ вводила Турцію въ сферу германскаго вліянія. Однако, Германія не захотѣла довольствоваться только этимъ. Добившись своего утвержденія въ Малой Азій и Месопотаміи, она простерла свою руку и на Персію. Въ мартѣ 1909 г. германскій канцлеръ Буловъ заявилъ въ рейхстагѣ: «Наше положеніе въ Персіи не измѣнилось. Мы не имѣемъ по отношенію къ этой странѣ политическихъ намѣреній, мы преслѣдуемъ лишь экономическія задачи, закрѣпленные за нами торговымъ договоромъ, заключеннымъ нами съ Персіей и остающимся вѣдѣ договоровъ, заключенныхъ Персіей съ тре-

тими державами, въ каковыхъ договорахъ мы не участвовали. Наши интересы останутся ненарушенными, если уважаютъ независимость и цѣлость Персіи и если сохраняютъ тамъ свободу торговли». Въ 1910 г. Персіи начала переговоры съ европейскими финансистами о займѣ. «Нѣмецкій Банкъ» пытался при этомъ войти въ сношенія съ Персіей и проложить путь нѣмецкому вліянію. Операнія эта не удалась только благодаря энергическимъ протестамъ Россіи и Англій.

Въ мартѣ 1911 г. въ Потсдамѣ произошло свиданіе между русскимъ государемъ и германскимъ императоромъ. При этомъ свиданіи была заключена конвенція, подписанная 19-го августа 1911 г. Сазоновымъ и германскимъ посломъ въ Петроградѣ. Вторая статья этого соглашенія гласила: «Русское правительство, имѣющее намѣреніе получить отъ персидскаго правительства концессию на постройку сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Персіи, обязуется испросить концессию на постройку желѣзной дороги, начинающейся у Тегерана и кончающейся въ Ханекинѣ, дабы соединить эту желѣзнодорожную сѣть съ турецко-персидской границей и съ линіей Садидль-Ханекинъ, какъ только этотъ участокъ Багдадской желѣзной дороги будетъ оконченъ. Послѣ полученія этой концессіи, работы по постройкѣ означенной линіи должны начаться не позже двухъ лѣтъ послѣ окончанія участка Садидль-Ханекинъ и окончиться въ теченіе четырехъ лѣтъ. Русское правительство сохраняетъ за собою право установить въ свое время окончательное направленіе озна-

ченной лини, но въ этомъ случаѣ оно будетъ считаться съ желаніями германскаго правительства. Оба правительства будутъ содѣйствовать международному передвиженію по линіямъ Ханекинъ - Тегеранъ и Ханеклигъ - Багдадъ и будутъ избѣгать всякихъ мѣръ, могущихъ помѣшать имъ, вродѣ установленія транзитныхъ таможенныхъ пошлинъ или примѣненія дифференціальныхъ тарифовъ».

Намъ потсдамское соглашеніе ничего не дало, по въ то же время оно обозначало нашъ полный отказъ отъ какихъ бы то ни было надеждъ на достиженіе Средиземнаго моря черезъ Арменію и Александретту.

Утверждаясь въ Малой Азій и Месопотаміи и простирая отсюда свои виды на сосѣдную часть Персін Германія не только отрубывала Россію отъ южныхъ выходовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожала и Англій въ самыхъ чувствительныхъ для нея мѣстахъ, въ Египтѣ и Индіи. Это мало-по-малу открыло глаза англичанамъ на дѣйствительность, которую они долго не хотѣли видѣть.

Роковымъ заблужденіемъ ея политики въ теченіе почти всего XIX вѣка была ея вражда къ Россіи. Лишь въ послѣдніе годы англичане сознали, какую колоссальную ошибку они совершили, создавши послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Берлинскій конгрессъ и удаливши насъ отъ Константинополя. Вмѣсто земледѣльской и неспособной къ промышленной конкуренціи Россіи, на берегахъ Босфора утвердилась Германія. Лишь тогда, когда къ Суецкому каналу и Индіи приблизилась

не мы, а нѣмцы, и притомъ такъ, что не было надежды вырвать добычу изъ ихъ рукъ, англичане поняли, что они нажили себѣ болѣе опаснаго врага.

Если бы мы когда-нибудь захотѣли угрожать Индіи (о чемъ мы никогда не думали), то сдѣлали бы это изъ центральной Азій, а не съ береговъ Босфора. Наше утвержденіе на черноморскихъ проливахъ и въ Малой Азій нитѣмъ Англій не угрожало; наоборотъ, наше движеніе впередъ наврядли бы въ другую сторону. Обладая свободными выходами въ Средиземное море, мы не интересовались бы Персией и не искали бы путей къ Персидскому заливу и Индійскому океану. Движеніе же нѣмцевъ черезъ Малую Азію къ Сиріи и въ Месопотамію и далѣе къ Персидскому заливу, дѣйствительно, дѣлало опаснымъ положеніе и Египта и Индіи.

Все это стало яснымъ, какъ Божій день, англійскимъ политикамъ, когда нѣмцы утвердились въ Константинополѣ, какъ у себя дома, начали реорганизацію турецкой арміи и приступили къ постройкѣ багдадской желѣзной дороги. Нѣмцы нисколько и не скрывали своихъ враждебныхъ по отношенію къ Англій намѣреній.

Специальность по вопросамъ багдадской дороги Форбахъ такъ изображалъ стратегическія выгоды для Германіи отъ багдадской дороги: «Когда мы построимъ нашу флотъ, мы должны будемъ измѣнять нашу политику по отношенію къ Англій. Мы не можемъ побѣдить ее на морѣ и не можемъ напасть на нее у нея дома, но мы можемъ напасть на нее въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ она

слабѣ всего. Египетъ есть тотъ пунктъ, гдѣ черезъ Турцію можно атаковать Англiю. Потеря же Египта, вмѣстѣ съ которымъ отъ Англiи отнять будетъ и контроль надъ Суэцкимъ каналомъ, нанесла бы для ея владѣній въ Центральной и Восточной Африкѣ глубокую рану». Таково было общее мнѣнiе нѣмецкихъ политиковъ. Такъ полковникъ Гильдебрандтъ откровенно писалъ: «Багдадская желѣзная дорога имѣетъ для нѣмцевъ громадное стратегическое значенiе. Въ случаѣ войны всегда возможна блокада Суэца, и тогда эта линiя дастъ Германiи самый прямой путь къ Восточной Африкѣ и Дальнему Востоку. Въ случаѣ конфликта съ Англiей, Багдадская дорога сослужитъ Германiи колоссальную услугу такъ какъ позволитъ ей легко перевозить войска, которыя могутъ напасть сзади на англiйскiя владѣнiя въ Индiю».

Общiй врагъ открылъ и Россiи и Англiи глаза. Намъ нужна не Индiя, а выходъ въ открытое море. Англичанамъ страшны на Босфорѣ и Дарданеллахъ не мы, а нѣмцы. Англiя, враждуя противъ Россiи, совершила огромную историческую ошибку, задержавшую на много десятилѣтiй развитiе Россiи и заставляющую теперь самой Англiю проливать кровь сотенъ тысячъ своихъ гражданъ. Земледѣльческая Россiя не была, и не имѣла тенденцiи въ будущемъ сдѣлаться конкурентомъ Англiи въ сферѣ мировой торговли. Земледѣльскiя страны, отличающiяся громадной силой сопротивленiя, вообще не годны и никогда и не склонны къ агрессивной внѣшней политикѣ.

Россiя искала только морскихъ выходовъ, нужныхъ ей для ея сельскохозяйственныхъ продуктовъ и если когда и бывала агрессивна, то только съ азиатскими народами, для охраны своихъ границъ.

Теперь имѣются полныя основанiя для надежды, что недоразумѣнiя наши съ Англiей по азиатскимъ дѣламъ кончатся и что въ заключенiе этой войны мы сможемъ осуществить наши государственныя цѣли. Цѣлями же этими, связанными съ нашими интересами въ Турцiи, являются: 1) наше обладанiе проливами и Константинополемъ, 2) наше господство надъ территорiей Малой Азiи, связывающей Россiю съ проливами, 3) наше утвержденiе въ предѣлахъ исторической Арменiи, обнимающей кромѣ собственной Арменiи, и Арменiю Киликiйскую. Этого послѣдняго обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду. Арменiя имѣетъ для насъ неопредѣлимое значенiе вслѣдствiе своего географическаго положенiя. Дѣйствительно, тамъ мы имѣемъ естественный и сравнительно удобный выходъ къ Средиземному морю. Арменiя обнимаетъ обширную область, тянущуюся отъ южнаго берега Чернаго моря и нашей кавказской границы до Килрсакаго моря или залива Александретты. Это шесть вилайетовъ (Ванъ, Битлисъ, Дيارбекиръ, Эрзерумъ, Харпуть, Сивась) и Киликiя. Здѣсь живетъ смѣшанное населенiе изъ армянъ, турокъ и курдовъ. Точную статистику народонаселенiя установить трудно, но считается, что, изъ общаго числа жителей въ 4 миллiона, около 1—1½ миллiона, т.-е. 30—40 проц., приходится на

долю армянъ. Отъ долины Верхняго Евфрата, внизъ по теченію Карачая, или Западнаго Евфрата, и Мурадчая, или Восточнаго Евфрата, и далѣе по долинѣ рѣки Джигуна идетъ прямой путь отъ нашего Закавказья до береговъ Средиземнаго моря. Съ юго-востока эта область отграничена горными хребтами Армянскаго Тавра, Гяурдага и Амануса, съ сѣверо-запада — Анти-Тавромъ и Кихикійскимъ Тавромъ. Карсъ, Эрзерумъ, Эрзинджанъ, Егинъ, Арабкиръ, Малатія, Марать, портъ Александрыты, — таковы этапы этого пути, по которому рано или поздно будетъ проложена желѣзная дорога. Въ какихъ-нибудь 600 верстахъ мы будемъ находиться тогда отъ прекраснаго порта на Средиземномъ морѣ, у границъ Палестины и святыхъ мѣстъ.

